

К. Леонтьев

**Собрание сочинений К.
Леонтьева**

Том 4

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Л47

Л47 **Леонтьев К.Н.**
Собрание сочинений К. Леонтьева: Том 4 / К. Леонтьев – М.: Книга по Требо-
ванию, 2024. – 613 с.

ISBN 978-5-519-70958-3

Собрание сочинений К. Леонтьева Том 4

ISBN 978-5-519-70958-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

К. Леонтьевъ.

ОДИССЕЙ ПОЛИХРОНИАДЕСЪ

(ВОСПОМИНАНІЯ ЗАГОРСКАГО ГРЕКА).

МОСКВА. — 1912.

ТИПОГРАФІЯ В. М. САБЛИНА.
Петровка, д. Обидиной. Телефонъ 131-34.
Москва. — 1912.

ОДИСЕЙ ПОЛИХРОНІАДЕСЬ.

(ВОСПОМИНАНІЯ ЗАГОРСЬКАГО ГРЕКА).

(1875 Г.)

I.
МОЕ ДѢТСТВО
И
НАША СЕМЬЯ.

ВОСПОМИНАНІЯ ЗАГОРСКАГО ГРЕКА *).

I.

Хотя родъ нашъ весь изъ эпирскихъ Загоръ, однако первое дѣтство мое протекло на Дунаѣ, въ домѣ отца моего, который по нашему загорскому обычаю торговалъ тогда на *чужбинѣ*.

Съ береговъ Дуная я возвратился на родину въ Эпиръ тринадцати лѣтъ, въ 1856 году; до семнадцати лѣтъ прожилъ я съ родителями въ Загорахъ и ходилъ въ нашу сельскую школу; а потомъ отецъ отвезъ меня въ Янину, чтобъ учиться тамъ въ гимназіи.

Я общался тебѣ, мой добрый и молодой аеинскій другъ, рассказать подробно исторію моей прежней жизни; мое дѣтство на дальней родинѣ, мои встрѣчи и приключенія первой юности. Вотъ первая тетрадь.

*) *Загоры* — гористый округъ южнаго Эпира; онъ начинается около самой Янины и долгое время былъ подобенъ небольшой христіанской республикѣ подъ властью султана, на опредѣленныхъ особенныхъ правахъ. Загоры въ старину управлялись своими старшинами и имѣли своего особаго представителя при янинскомъ пашѣ. Теперь этотъ край приравненъ къ другимъ уѣздамъ Турецкой имперіи. Мусульманскихъ селъ тамъ нѣтъ и прежде не было.

Если ты будешь доволенъ ею, если эти воспоминанія мои займутъ тебя, я расскажу тебѣ позднѣе и о томъ, какъ я кончилъ ученіе мое въ Янинѣ, что со мной случилось дальше, какъ вступалъ я понемногу на путь независимости и дѣятельной жизни, кого встрѣчалъ тогда, кого любилъ и ненавидѣлъ, кого боялся и кого жалѣлъ, что думалъ тогда и что чувствовалъ, какъ я женился и на комъ, и почему такъ скоро разошелся съ моею первою женой. Вторая часть моего разсказа будетъ занимательнѣе и оживленнѣе, но она не будетъ тебѣ ясна, если ты не прочтешь внимательно эту первую. Прежде всего я разскажу тебѣ объ отцѣ моемъ и о томъ, какъ онъ женился на моей матери.

Онъ женился на ней совсѣмъ не такъ, какъ женятся другіе загорцы наши.

Ты слышалъ, конечно, страна наша красива, но безплодна.

Виноградники наши не даютъ намъ дохода. По холмамъ, около селеній, ты издали видишь небольшія круглыя пятна, обложенныя рядомъ бѣлыхъ камней.

Вотъ наши хлѣбныя поля! Вотъ бѣдная пшеница наша!

Рѣдкіе колосья, сухая земля, усѣянная мелкими камнями; земля, которую безъ помощи воловъ и плуга жена загорца сама вскопала трудолюбивыми руками, чтобъ имѣть для дѣтей своихъ непокупную пищу въ отсутствіе мужа.

Да, мой другъ! Мы не пашемъ, подобно счастливымъ ѳессалійцамъ, тучныхъ равнинъ на живописныхъ и веселыхъ берегахъ древняго Пинея. Мы не умѣемъ, какъ жители Брусы и Шаръ-Кѣя, искусно ткать разноцвѣтные ковры. Не разводимъ миллионы розъ душистыхъ для драгоценнаго масла, какъ Казанлыкъ болгарскій. Мы не плаваемъ по морю, какъ смѣлые греки Эгейскихъ острововъ.

Мы не пастиры могучіе, какъ румяные влахи Пинда въ бѣлой одеждѣ. Мы не сходимъ, подобно этимъ влахамъ, каждую зиму съ лѣсистыхъ вершинъ въ теплыя долины Эпира и ѳессаліи, чтобы пасти наши стада; не живемъ со всею семьей въ походныхъ шалашахъ тростниковыхъ,

оставляя дома наши и цѣлыя селенія до лѣта подѣ стражей одной природы, подѣ охраной снѣговѣ, стремнишь недо-ступныхъ и дикаго лѣса, гдѣ царить и бушуетъ тогда одинѣ лишь гнѣвный старецѣ Борей!

Мы, признаюсь, и не воины, подобно сосѣдямъ нашимъ, молодцамъ-суліотамъ.

Грѣясь безопасно у дымнаго очага во время зимнихъ непогодѣ, блѣдный паликарѣ славной Лакки сулійской поетѣ про дѣла великихъ отцовѣ своихъ и презираетѣ мирныя ремесла и торговлю. Въ полуразрушенномъ домѣ, безѣ потолка и окошекѣ, онѣ гордо украшаетѣ праздничную одежду свою золотымъ шитьемъ. Серебряные пистолеты за сверкающимъ поясомъ, тяжелые доспѣхи вокругъ гибкаго стана, который онѣ учится перетягивать еще съ дѣтства, ружье дорогое и вѣрное для суліота милѣе покойнаго, теплаго жилья.

Мы, загорцы, не можемъ жить такѣ сурово и безопасно, какѣ живетѣ суліотѣ.

Да, мы не герои, не пловцы, не земледѣльцы, не пастыри. Но зато мы загорцы эфирскіе, другѣ мой! Вотѣ мы что такое! Мы тѣ загорцы эфирскіе, которыхъ имеемъ полонѣ, однако, Востокѣ.

Мы вездѣ. Ты это знаешь самѣ. Вездѣ наше имя, вездѣ нашѣ изворотливый умѣ; если хочешь, даже хитрость наша, вездѣ нашѣ греческій патриотизмѣ, и уклончивый, и твердый, вездѣ наше загорское благо, и вездѣ наше загорское зло!

Всюду мы учимъ и всюду мы учимся; всюду мы лѣчимъ; всюду торгуемъ, пишемъ, строимъ, богатѣемъ; мы жертвуемъ деньги на церкви и школы эллинскія, на возобновленіе олимпійскихъ игрѣ въ свободной Греціи, на возстаніе (когда-то), а теперь, вѣроятно, на примиреніе съ тѣми, противѣ кого возставали, быть можетѣ, на борьбу противѣ страшнаго призрака славизма; не такѣ ли, мой другѣ? Тебѣ, афинскому политику, это лучше знать, чѣмъ мнѣ, скромному торговцу. Мы открываемъ опрятныя кофейни и снимаемъ грязныя ханы въ балканскихъ долинахъ и въ глу-

хихъ городкахъ унылой Эракіи; мы издаемъ газеты за океанами, въ свободной Филадельфіи, мы правимъ богатыми землями бояръ молдо-валашскихъ. Мы торгуемъ на Босфорѣ, въ Одессѣ, въ Марсели, въ Калькуттѣ и въ азовскихъ городахъ; мы въ народныхъ школахъ такихъ деревень, куда съ трудомъ достигаетъ лишь добрый верховой конь или мулъ осторожный, уже давно внушаемъ македонскимъ дѣтямъ, что они эллины, а не варвары болгарскіе, которыхъ Богъ послалъ намъ въ сосѣди за наши грѣхи (кажется, отъ тебя самого я слышалъ подобную рѣчь).

Мы служимъ султану и королю Георгію, Россіи и Британіи. Мы готовы служить Гамбеттѣ и Бисмарку, миру и войнѣ, церкви и наукѣ, прогрессу и охраненію; но служа всему этому, искренно служимъ мы только милой отчизнѣ нашей, загорскимъ горамъ, Эпиру и Греціи.

Радуйся, эллинъ! Радуйся, молодой патріотъ мой!

Видишь ты этого юношу, который такъ стыдливо и благодаразумно молчитъ въ кругу чужихъ людей? Еще пухъ первой возмужалости едва появился на его отроческихъ щекахъ... Ты скажешь: «онъ дитя еще»; не правда ли? Нѣтъ, мой другъ. Онъ не дитя. Этотъ робкій юноша уже семьянинъ почтенный; онъ женатъ; онъ, быть можетъ, отецъ!

Года два еще тому назадъ какія-нибудь старушки въ его родномъ селѣ замѣтили его первую возмужалость. Онъ долго совѣщались между собою; онѣ считали деньги его родителей, судили о родствѣ его, связяхъ и сношеніяхъ, и пришли, наконецъ, предложить его отцу, его матери или ему самому въ жены сосѣднюю дѣвушку, которая, какъ поетъ древній стихотворецъ, «едва лишь созрѣла теперь для мужчины».

За ней даютъ деньги; воспитана она въ строжайшемъ благочестіи; привычна къ хозяйству; неутомима на всякую ручную работу; она не безобразна и здорова. Онъ соглашается. Ему нужна бодрая, дѣятельная хозяйка въ отцовскомъ домѣ, нужна помощница старѣющимъ родителямъ; нуженъ якорь въ отчизнѣ; его душѣ необходимъ

магнитъ, который бы влекъ его домой, хотя бъ отъ времени до времени, изъ тѣхъ далекихъ странъ, гдѣ онъ осужденъ искать счастья и денегъ.

И вотъ онъ мужъ, отецъ...

Теперь, когда загорецъ привыкъ къ своей новобрачной, когда содрогнулось его сердце въ первый разъ, внимая плачу новорожденного ребенка, — пусть собирается онъ смѣло въ тяжкій путь на борьбу съ людьми и судьбой, на лишения, опасности, быть можетъ, на раннюю смерть. Теперь пусть онъ обвинитъ старую мать и жену молодую; пускай благословитъ своего ребенка... Ему въ родномъ жилищѣ нѣтъ ужъ больше дѣла, ему нѣтъ мѣста здѣсь; его долгъ уѣхать и искать судьбы хорошей въ большихъ городахъ торговыхъ, въ дальнихъ земляхъ плодородныхъ. И такъ жить ему теперь до старости и трудиться, лишь изрѣдка навѣщая семью и родныхъ, на короткій срокъ.

Откройся, сердце грустное, откройтесь, горькія уста,
Скажите что-нибудь, утѣшите насъ...
У смерти утѣшеніе есть; есть у гибели забвеніе...
А у разлуки заживо отрады вовсе нѣтъ.
Мать съ сыномъ разлучается, и сынъ бросаетъ мать.
Супруги нѣжные, согласные, и тѣ въ разлукѣ,
И въ день разлуки той деревья высыхаютъ,
А свидятся — опять деревья листь даютъ.

Такъ говоритъ эпирская старая пѣсня разлуки.

Сорокъ слишкомъ селъ цвѣтеть въ Загорахъ нашихъ.

И не думай ты, это села бѣдныя, какъ во Эракіи или въ иныхъ полудикихъ албанскихъ округахъ.

Я помню, съ какимъ ты презрѣніемъ говорилъ о желтыхъ хижинахъ болгарскихъ, о томъ, какъ тебя клали въ нихъ спать на сырую землю, около худого очага, когда зимою ты ѣздишь къ роднымъ въ Филиппополь. Не поправились тебѣ простые эракійскіе болгары, ты звалъ ихъ звѣрями въ образѣ человѣка; ты порицалъ ихъ овчинныя шубы, не покрытыя сукномъ, ихъ черныя чалмы, ихъ смуглыя, худыя лица; въ черныхъ этихъ лицахъ ты тщательно отыскивалъ какіе-то слѣды туранской крови.

Я помню, какъ негодовалъ ты на духовенство всѣхъ предковъ твоихъ за то, что не позаботились они «во-время» или не сумѣли, какъ ты говорилъ тогда, «э. динизировать» (во славу рода нашего священнаго!), этихъ безграмотныхъ и грубыхъ чалмоносцевъ!»

Радуйся, эллинъ. Загоры наши не таковы.

И здѣсь (скрывать я этого не буду) течетъ много славянской крови. Но что значить кровь?

Здѣсь Эллада по духу, Эллада по языку и стремлѣнiямъ.

Любезныя горы моей дорогой отчизны! Есть въ Турціи мѣста живописнѣе загорскихъ, но для меня нѣтъ мѣста милѣе. Горы моего Эпира не украшены таинственною и влажною сѣтью дикихъ лѣсовъ, подобно горамъ южной Македоніи; широкій каштанъ и дубъ многолѣтній не простираютъ на ихъ склонахъ задумчивыхъ вѣтвей. Холмы эфирскіе не обращены трудомъ человѣка въ безконечныя рощи сѣдыхъ и плодоносныхъ оливъ, подобно холмамъ Керкиры или критскимъ берегамъ.

Только далѣе, къ Пинду, гдѣ живетъ рослый куцо-влахъ, тамъ шумятъ душистыя сосны, толпясь на страшной высотѣ.

У насъ, внизу, высоты наги; колючій дубъ нашъ не растетъ высоко; мелкими и частыми кустами зеленѣетъ онъ густо вокругъ нашихъ бѣлыхъ селъ.

Но и безъ садовъ масличныхъ и безъ лѣса дикаго наши эфирскія горы мнѣ милы.

Радуйся, эллинъ аеинскій!..

Села наши загорскіе, хотя и носятъ старо-славянскія имена, но они села эллинскія,—богатая, красивая, просвѣщенные.

«Довра, Чепелово, Судена, Лѣсковецъ...» Пусть эти звуки не смущаютъ тебя.

Не бойся. Уже и лѣсные куцо-влахи Загоръ стали узнавать и любить имена Ѳемистокла, Эсхила и Платона.

Села наши богаты и чисты; дома въ нихъ—дома архонтскіе; училища просторныя, какъ въ большихъ городахъ;